

Контртеррористическое сотрудничество в регионе Центральной Азии как инструмент развития экспедиционного потенциала Народно-освободительной армии Китая

И. Р. Дубровский

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail:1032211914@rudn.ru*

Инь Хуэй (Китай)

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail:1032168455@rudn.ru*

С. В. Костючек

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail:1032211920@rudn.ru*

Чжао Бовэнь (Китай)

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail:1032158409@rudn.ru*

Аннотация. В предлагаемой публикации рассматриваются особенности функционального использования сотрудничества по борьбе с терроризмом для расширения навыков ВС КНР проводить экспедиционные операции. Терроризм выступает одной из насущных угроз национальной безопасности, которая угрожает не только внутренней стабильности КНР, в первую очередь в Синьцзяне, но и «зарубежным интересам», которые расширяются пропорционально увеличению комплексной мощи данного государства. В этом контексте регион Центральной Азии выступает наиболее вероятным источником террористической угрозы. Для развития проецирования силы КНР задействует многосторонние, минилатеральные и двусторонние механизмы, позволяющие устанавливать контакты со спецслужбами, кооперироваться для патрулирования общих участков границы, а также легализировать статус военнослужащих КНР в странах-партнерах. Особым инструментом развития экспедиционного потенциала выступает практика контртеррористических учений, проходящих под эгидой ШОС. Через ШОС Китай развивает практику проецирования силы, которую он начал использовать в контртеррористических целях. Более того, КНР повышает командные навыки по развертыванию контингента, апробирует реформированные организационные структуры, относительно молодые и специфичные рода войск и подразделения, оттачивает модель «интегрированных совместных операций», тестирует технические новинки в полевых условиях и обучает персонал в максимально приближенных к боевым условиям. Данные преимущества могут послужить экстраполяции навыков развертывания ВС КНР с региона Центральной Азии на остальные регионы, где сосредотачиваются «зарубежные интересы» Китая. Это станет весомым рубежом на пути формирования Китаем модели глобального развертывания, что видится закономерным ввиду стратегической конкуренцией между США и КНР и формирующейся биполярностью в системе международных отношений.

Ключевые слова: Внешняя политика КНР, НОАК, борьба с терроризмом, ШОС, экспедиционные возможности, зарубежные интересы

Для цитирования: Дубровский И. Р., Инь Хуэй, Костючек С. В., Чжао Бовэнь Контртеррористическое сотрудничество в регионе Центральной Азии как инструмент развития экспедиционного потенциала Народно-освободительной армии Китая. Постсоветские исследования. 2022;5(5):545-560.

Counter-terrorism cooperation in the Central Asian region as a tool for developing the expeditionary potential of the People's Liberation Army of China

Ivan R. Dubrovskiy

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032211914@rudn.ru

Yin Huyi (China)

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032168455@rudn.ru

Svetlana V. Kostyuchek

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032211920@rudn.ru

Zhao Bowen (China)

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032158409@rudn.ru

Abstract. The article discusses the features of the functional use of cooperation in the fight against terrorism to expand the skills of the Armed forces of China to conduct expeditionary operations. Terrorism is one of the most urgent threats to national security, which threatens not only the internal stability of the People's Republic of China, primarily in Xinjiang, but also foreign interests, which expand in proportion to the increase in the complex power of China. In this context, the Central Asian region is the most likely source of a terrorist threat. To develop power projection, China uses multilateral, unilateral and bilateral mechanisms to establish contacts with special services, cooperate to patrol common sections of the border, and also legalize the status of China's military personnel in partner countries. A special tool for the development of the expeditionary capacity is the practice of counter-terrorism exercises held under the auspices of the SCO. China is developing the practice of force projection through SCO framework, which was begun to use for counter-terrorism purposes. Moreover, the People's Republic of China is improving command skills in deploying contingents, testing reformed organizational structures, relatively young and specific types of troops and units, honing the «integrated joint operations model», field testing technical innovations, and training personnel in as close to combat conditions as possible. These advantages can serve as an extrapolation of China's military deployment skills from the Central Asian region to other regions where China's «foreign interests» are concentrated. This will become a significant milestone of China's model of global deployment formation, which seems natural in the strategic competition between the US and China with the emerging bipolarity in the system of international relations.

Keywords: foreign policy of China, People's Liberation Army of China, counter-terrorism, Shanghai Cooperation Organisation, expeditionary capabilities, overseas interests

For citation: Ivan R. Dubrovskiy, Yin Huyi, Svetlana V. Kostyuchek, Zhao Bowen Counter-terrorism cooperation in the Central Asian region as a tool for developing the expeditionary potential of the People's Liberation Army of China. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;5(5):545-560. (In Russ.)

«Пульсирующим нервом» современной мировой политики становится проблема стратегической конкуренции между США и КНР, вызванной вступлением стран в фазу относительного паритета силы и начала «властного транзита» [Дегтерев, Рамич, Цык 2021: 215-217]. Обогнав США по

Сводному индексу национального потенциала, учитывающего фундаментальные источники военно-промышленного комплекса страны, КНР не обладает всем спектром военно-силовых инструментов, необходимых для защиты национальных интересов и создания

предсказуемой среды на стратегически значимых направлениях. Для решения подобного рода задач необходимо создание гибкого глобального развертывания и устойчивого военного присутствия для превентивной или незамедлительной защиты государственных интересов и поддержания удовлетворительного мирового и региональных порядков.

Создание подобного рода модели требует не только насыщение вооруженных сил материально-техническими средствами проецирования силы, создания узкоориентированных родов войск и необходимой инфраструктуры, но и отработки мероприятий по планированию и развертыванию экспедиционных миссий, а также развитие международных нормативно-правовых форматов для расширения оперативной мобильности ВС страны. В качестве инструмента для удовлетворения подобной потребности, учитывая небогатый опыт участия в военных действиях Китая, выступает проведение миротворческих операций под эгидой ООН [Дубровский, Худайкулова 2022] и проведение военных учений, в том числе под предлогом борьбы с международным терроризмом.

Затрагиваемая в статье проблематика нашла свое частичное отражение в работах исследователей китайской стратегии и военной мощи. Несмотря на ряд работ начала 2000-х гг., в которых проводилась мысль о беспочвенности страхов перед растущей мощью КНР [United States Post-Cold War Defence Interests 2004], сейчас утвердился консенсус о том, что рост и модернизация ВС КНР выступают фактором изменения региональной среды, открытым вызовом для сложившейся архитектуры международной системы и позиций США в ней. В связи с насущностью и значимостью данной проблемы, ряд изысканий носит алармистский характер, что выражается в интерпретации процессов развития военного потенциала НОАК как доказательства существования «китайской угрозы» [McReynolds, 2016; Sciutto 2019; Heath, Curriden, Frederick et al. 2021]. Сравнительно небольшое количество ученых предметно изучают стратегию и тактику применения

вооруженных сил КНР, а также функциональное значение террористической угрозы для развития ВС КНР. Среди таковых стоит выделить Э. Кордесмана, В.Б. Кашина, А.В. Шлындова, Д. Бласко, Шу Сяосуна, Б. Гилла и Чин-Хао Хуана [Cordesman, Kendall 2017; Kashin 2020; Шлындов 2019; Blasko 2019; Шу 2013]. Китайская военная стратегия применительно к региону Центральной Азии и в контексте борьбы с нетрадиционными угрозами отдельно изучается в работах Н. Яу, Р. Пантуччи, М. Дюшатель, М. Саутерленд, У. Грин, С. Яник и др. [Yau 2022; Pantucci 2019; Duchâtel 2019; Southerland, Green, Janik 2020],

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей использования Китаем форматов международного сотрудничества по вопросам борьбы с терроризмом в регионе Центральной Азии для развития экспедиционных возможностей собственных вооруженных сил. Ключевой гипотезой исследователей выступает утверждение, что КНР использует комплекс контртеррористических мероприятий в двусторонних, минилатеральных и многосторонних форматах для проецирования военной мощи с целью защиты своих «зарубежных интересов» в регионе Центральной Азии.

Методология исследования заключается в применении системного подхода для анализа процесса создания КНР институционализированных практик для развития экспедиционных возможностей национальных вооруженных сил посредством реализации межгосударственного сотрудничества по борьбе с терроризмом. Поскольку архитектура контртеррористической безопасности имеет многоуровневый характер, то авторы изучат меры по наращиванию экспедиционного потенциала, связанные с политикой КНР на всех данных уровнях: двустороннем, минилатеральном и многостороннем. Опираясь на парадигму структурного реализма, развитие экспедиционных возможностей авторы рассматривают как меру укрепления баланса возможностей и обеспечения безопасности в

условиях обострения стратегической конкуренции США и КНР.

Значение борьбы с терроризмом в общем спектре «зарубежных интересов» Китая.

Безопасность «зарубежных интересов» (海外利益) – важная составляющая общей системы национальной безопасности Китая. Ее актуализацию часто связывают с интеграцией Китая в мировую систему и поступательным экономическим ростом, требующим бесперебойного доступа к энергетическим ресурсам, стратегическим цепочкам поставок одновременно с обеспечением безопасности иностранных граждан и юридических лиц. При этом оптимальным *modus vivendi* в зонах зарубежных интересов Китая является неэксклюзивная (非排他性) и неантагонистическая (非对抗性) стратегическая обстановка¹. Особое внимание при этом уделяется периферии Китая, где проблемы национальной безопасности КНР усиливаются турбулентностью в мирополитической системе [Виноградов 2021: 29]. В целом, наибольшее количество угроз, с точки зрения КНР, имеет историческую обусловленность («проблема национального единства») или исходит из сопредельных регионов (ЮКМ, ВКМ, Корейского полуострова). При обострении стратегической конкуренции данные «болевы точки» могут быть использованы для дестабилизации периферии Китая, что может привести к превентивному сдерживанию внешнеполитической активности данного государства на отдаленных рубежах.

Однако при фокусировании на традиционных угрозах военно-политическое руководство не упускает из виду нетрадиционные угрозы безопасности,

борьба с которыми требует принципиально иных средств и методов. Особое положение занимает борьба с терроризмом. Усилия Китая по борьбе с этой угрозой в настоящее время сосредоточены главным образом на Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где проживает национальное меньшинство, преимущественно исповедующее ислам. Территория Синьцзяна может стать плацдармом для распространения политического радикализма, в том числе через деятельность боевиков сепаратистской организации «Исламского движения Восточного Туркестана». Быстро расширяющиеся «зарубежные интересы» Китая и соседство со странами с серьезными проблемами с терроризмом усиливают чувство уязвимости КНР перед данной угрозой за ее пределами и побуждают к совершенствованию средств защиты ее граждан за рубежом. Китай также обеспокоен тем, что некоторые международные террористические группировки за пределами его границ могут повлиять на ситуацию в Синьцзяне.

15 июня 2001 г. по инициативе КНР, где уже сложилась идеологема «трех сил зла» – «международный терроризм, этнический сепаратизм и религиозный экстремизм», а также «трансграничная преступность» (в основном морское пиратство и контрабанда наркотиков), – на саммите ШОС была подписана «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»². В мае 2002 г. делегация КНР представила на совещании старших должностных лиц Регионального форума АСЕАН «Стратегический документ КНР по укреплению сотрудничества в сфере нетрадиционной безопасности», излагающий новую версию концепции безопасности ШОС. Это был первый документ правительства Китая, в котором официально использовали термин

¹ 2015年中国国防白皮书《中国的军事战略》 [«Военная стратегия Китая». Белая книга по национальной обороне Китая. 2015 г.] // China Daily. 26.05.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-5-28/cd_20821000.html (дата обращения: 27.05.2022).

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом / Сайт Президента РФ. 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 31.05.2022).

«нетрадиционная безопасность»¹. Впервые в официальном документе КПК этот термин был зафиксирован 8 ноября 2002 г. в отчетном докладе Цзян Цзэминя XVI съезду КПК: «Факторы традиционных и нетрадиционных угроз безопасности переплетаются, и угроза терроризма повышается... Новая концепция безопасности КНР строится на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами»².

Перевороты и народные восстания в Узбекистане и Кыргызстане 2005 г. вызвали опасения по поводу переноса деятельности террористов на территорию КНР [Cooley 2012: 82]. После нескольких терактов с участием уйгуров в 2008 г., включая столкновения между уйгурами и ханьцами в Урумчи, столице Синьцзяна, Пекин усилил свое внимание к тому, что, по его мнению, было актами уйгурского терроризма [Greitens 2020: 22–23].

Начиная с 2014 г. присоединение уйгуров к гражданской войне в Сирии и заявленное намерение некоторых вернуться в Китай для активизации террористической деятельности вызвали у правительства обеспокоенность тем, что боевики могут угрожать китайским экономическим интересам в Афганистане, Центральной Азии и Пакистане [Stanzel 2018]. Теракт в посольстве КНР в Кыргызстане 2016 г. подтвердил данные опасения. Дополнительные риски привносит и нестабильная политическая ситуация в Афганистане, особенно после вывода из страны военного контингента США и свержения гражданского правительства [Цянь 2021: 16]. Политическая нестабильность в Пакистане, возникшая

после выдвижения Парламентом ИРП вотума недоверия бывшему премьер-министру И. Хану в апреле 2022 г., также привела к усилению террористической активности, из-за которой пострадали китайские граждане³. Таким образом, насущность усиления комплекса мер борьбы с террористическими угрозами на западных границах Китая лишь возрастает, что нашло отражение в политических шагах КНР в отношениях со странами Центральной Азии.

Участие Китая в структурировании региональных контуров модели безопасности от угрозы терроризма

Китай творчески подошел к защите от угрозы терроризма, предпочитая бороться с ней на ближних подступах к собственной границе. С этой целью КНР последовательно проводила политику по созданию модели безопасности по периметру своих сухопутных границ – в регионе Центральной Азии. Краеугольным камнем данной модели выступает многосторонний институт Шанхайская организация сотрудничества, в которую входит также Россия, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Индия, Пакистан и Иран, а наблюдателями являются Белоруссия, Монголия и Афганистан. Пекин последовательно использовал ШОС в качестве механизма для противодействия терроризму. В 2002 г. Китай участвовал в создании Региональной антитеррористической структуры ШОС, которая выступает оперативным органом для координации деятельности спецслужб.

Китай стремится, по словам Председателя КНР Си Цзиньпина, «построить надежный барьер региональной безопасности» через ШОС, расширяя возможности Китая в удалении оборонительного периметра дальше к западу⁴. Он преследовал эту цель путем

¹ 关于加强非传统安全领域合作的中方立场文件 [Стратегический документ КНР по укреплению сотрудничества в сфере нетрадиционной безопасности]. 2002. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/691408440323344524.html> (дата обращения: 30.05.2022).

² 江泽民在中共十六大上的报告全文 [Полный текст доклада Цзян Цзэминя на 16-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 新华社. URL: <http://www.dzwww.com/xinwen/xinwenzhuanli/qzslldzk/xwzx/200211210945.htm> (дата обращения: 30.05.2022).

³ Blood of Chinese people cannot be shed in vain: FM condemns terrorist attack that killed 3 Chinese in Pakistan // Global Times. Apr 26, 2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202204/1260412.shtml> (accessed: 30.05.2022).

⁴ 团结互助 共迎挑战 推动上海合作组织实现新跨越 [Объединяйтесь и помогайте друг другу справляться с вызовами и продвигать Шанхайскую организацию сотрудничества для достижения нового рывка вперед] // 新华网. 10.07.2015. URL:

расширения обмена разведанными и укрепления возможностей правоохранительных органов стран-членов по подавлению внутренних беспорядков и предотвращению террористической и сепаратистской деятельности. Например, с 2014 г. Министерство общественной безопасности Китая обучает должностных лиц ШОС в своем Китайском Национальном институте международных обменов и судебного сотрудничества ШОС по программе «Борьба с терроризмом и транснациональной преступностью» [Kley 2019: 83-84].

Кроме укрепления многосторонних институтов Китай учредил минилатеральный (от англ. *minilateral*) формат с узкой ориентацией на решение контртеррористических задач и обеспечения безопасности западной границы КНР. По словам младшего научного сотрудника Королевского института объединенных служб Соединенного Королевства Р. Пантуччи по причине ограниченного инструментария ШОС в контртеррористической области в августе 2016 г. в Урумчи состоялось первое заседание Четырехстороннего механизма сотрудничества и координации (QCCM) [Pantucci 2019: 64]. QCCM институционализирует военное сотрудничество Китая с Афганистаном, Пакистаном и Таджикистаном (тремя странами, уязвимыми для террористической активности) и создает механизм ежегодных заседаний рабочей группы¹. Этот формат предусматривает обмен разведанными и программы взаимного обучения специалистов четырех стран в контексте борьбы с террористическими угрозами,

связанными с ситуацией в Афганистане. В рамках QCCM в августе 2017 г. в Душанбе были подписаны два соглашения: Соглашение о Координационном механизме в борьбе с терроризмом вооруженных сил четырех стран и Протокол о Координационном центре по борьбе с терроризмом ВС четырех стран.

После возвращения к власти движения Талибан в 2021 г. данный формат не задействовался для решения актуальных задач. Китай предпочел координировать свою политику, используя механизм встречи министров иностранных дел соседних с Афганистаном стран, а именно Ирана, Пакистана, России, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. С сентября 2021 г. прошло три встречи, последняя из которых состоялась в Тунси, провинция Аньхой 31 марта 2022 г.²

Наконец, не менее важным направлением укрепления региональной модели безопасности в контексте борьбы с терроризмом выступает двустороннее взаимодействие со странами Центральной Азии. Любое обсуждение сотрудничества по такой специфичной теме, как борьба с терроризмом, которая требует от стран высокой степени взаимодоверия и готовности делиться информацией, находящейся в статусе государственной тайны, сначала проводится между высокопоставленными должностными лицами, такими как главы государств. Затем реализация и рабочие обсуждения делегируются соответствующим министрам. О степени важности двустороннего сотрудничества говорит интенсивность встреч на высоком уровне. С 1990-х по 2021 гг. КНР и Кыргызстан провели не менее 80 двусторонних встреч, где затрагивались вопросы нетрадиционной безопасности; КНР и Казахстан провели не менее 55; КНР и Узбекистан провели не менее 64; КНР и Таджикистан провели не менее 53; и КНР и

---

http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/10/c_1115889092.htm (дата обращения: 30.05.2022).

¹阿中巴塔“四国机制”联合工作组年终会议在京举行 [В конце года в Пекине состоялось заседание Совместной рабочей группы “Механизма четырех стран” Афганистана, Таджикистана, Китая, Пакистана] / 中华人民共和国驻阿富汗伊斯兰共和国大使馆. 27.01.2019. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceaf/chn/sgxw/t1632739.htm> (дата обращения: 27.05.2022).

---

² Joint Statement of the Third Foreign Ministers’ Meeting Among the Neighboring Countries of Afghanistan // Ministry of Foreign Affairs of China. 31.03.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202203/t20220331_10658230.html (accessed: 27.05.2022).

Туркменистан провели не менее 25 [Yau 2022: 22]. В 2010-х гг. цель устранения предполагаемого влияния «Исламского движения Восточного Туркестана» в Кыргызстане и Таджикистане привела к обсуждению расширения практического сотрудничества в области безопасности в форме передачи оборудования, обучения персонала и военных учений. С другой стороны, в обсуждениях вопросов безопасности между КНР и Узбекистаном, а также КНР и Казахстаном *большой* акцент делается на сотрудничестве в рамках многосторонних механизмов.

В 2019 г. был введен новый «межведомственный механизм» (双跨机制) в диаде КНР-Кыргызстан и КНР-Казахстан. Этот механизм был создан для решения конкретных вопросов безопасности непосредственно с органами безопасности¹. Для координации работы данных механизмов была учреждена должность Комиссара по внешней безопасности МИД КНР, которую занимает Г-н Чэн Гопин. В отличие от двусторонних встреч по сотрудничеству в области безопасности, межведомственный механизм позволяет Пекину при необходимости получить прямой доступ к спецслужбам стран Центральной Азии. Кроме того, Комиссар по внешней безопасности как должностное лицо более информирован и уделяет исключительное внимание всем внешним угрозам безопасности, нежели другие представители военно-политического

руководства КНР. В связи с усложнением ситуации в Афганистане данный межведомственный механизм, вероятно, появится в двусторонних отношениях с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, которые интенсивно сотрудничают с Китаем по вопросу борьбы с терроризмом.

Развитие экспедиционных возможностей НОАК через институциональное сотрудничество КНР с региональными странами по борьбе с терроризмом

Одновременно с активным участием в выработке норм и правил по борьбе с нетрадиционными угрозами вдоль западной границы КНР использует созданные механизмы для улучшения потенциала развертывания собственных вооруженных сил. Китай находится на начальном этапе создания модели проецирования военной мощи через наращивание экспедиционного потенциала НОАК [Layne 2012: 206]. В 2004 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао объявил о «Новых исторических миссиях», в которых впервые официально была сформулирована необходимость армии Китая развивать возможности для защиты «зарубежных интересов», что привело к первым шагам развитию экспедиционных возможностей НОАК для поддержки военных операций за пределами Восточной Азии². А уже в Белой книге по обороне 2013 г., «зарубежные интересы» стали неотъемлемой составляющей национальных интересов Китая», что справедливо и до настоящего момента³. В целом развитие ВС НОАК подчинено собственной логике, которая

¹ 中国吉尔吉斯斯坦举行跨部门跨地区安全合作机制首次会议 [Китай-Кыргызстан провел первое заседание межведомственного и межрегионального механизма сотрудничества в области безопасности] / 中华人民共和国外交部. 02.12.2019. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/wjb/zygy/t1720821.htm> (дата обращения: 27.05.2022); 外交部涉外安全事务专员程国平同哈萨克斯坦安全会议第一副秘书长沙伊胡特季诺夫举行中哈双跨机制牵头人视频会议 [Комиссар Министерства иностранных дел по вопросам внешней безопасности Чэн Гопин и первый заместитель секретаря Казахской конференции по безопасности Шайхутдинов провели видеоконференцию с руководителями Китайско-казахстанского двустороннего механизма] // 潇湘晨报. 15.01.2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1688926829353674703&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 27.05.2022).

² 履行新世纪新阶段军队历史使命 [Реализация исторической миссии армии на новом этапе новой эпохи] // 知史明道. 29.06.2021. URL: http://www.wenming.cn/hsw/hxydll/dsgs/202106/t20210629_6097522.shtml (дата обращения: 30.05.2022).

³ 2013年中华人民共和国国防白皮书 [Белая книга Китайской Народной Республики по национальной обороне за 2013 год] / 中华人民共和国国务院办公厅. URL: <http://www.doczj.com/doc/94cdd33c9b6648d7c1c74670-22.html> (дата обращения: 29.05.2022).

выражена в стратегических задачах, стоящих перед НОАК (см. рис. 1)¹.

Рисунок 1.

Главным посылом нового этапа теоретической проработки модернизации военного потенциала КНР к 2027 г. стала ориентация на создание объединения войск различной видовой и родовой принадлежности в единую организационно-штатную структуру на оперативно-стратегическом уровне с участием «всех служб и родов войск». Замысел данного процесса сводился к достижению возможностей проводить «интегрированные совместные операции» (协同联合作战) [Шу 2013: 206-207], в которых были бы созданы условия для единого командования и управления, быстрого маневра, комплексного ударного потенциала, а также оперативной поддержки, материально-технического обеспечения для различных объединений.

Для решения отдельных функциональных задач в рамках экспедиционных операций в ходе очередного раунда военной реформы в 2015–2016 гг. был создан ряд организационных структур. Так в целях «преодоления иерархической дифференциации между стратегическим, оперативным и тактическим уровнями»

[Тан, Му 2014: 31] и развития межвидовой интеграции на каждом уровне командования был создан *Объединенный штаб ЦВС КПК*, который состоит из руководителей всех видов ВС. На этот орган возложены задачи осуществлять на межвидовой основе боевое планирование и управление войсками [Кокошин 2017]. В марте 2016 г. при Оперативном управлении ОШ ЦВС КПК появился *Отдел зарубежных операций*. Под его юрисдикцию попадает привлечение ВС КНР к контртеррористическим операциям, которые могут осуществляться во всех зонах, где, по мнению военно-политического руководства, появляется угроза национальным интересам.

Ключевыми структурами, ответственными за противодействие терроризму, выступают Народно-освободительная армия Китая (НОАК) и Народная вооруженная милиция (НВМ) – военизированное формирование, ответственное в первую очередь за поддержание внутренней безопасности в Китае, – деятельность которых в рамках вектора на достижение возможностей «интегрированных совместных операций» координируется из одного центра [Tanner, Bellacqua 2016: 86]. Для интегрированного использования НОАК и НВМ была создана правовая основа. Статья 78 Закона «О национальной безопасности Китая» предписывает всем элементам государственной власти поддерживать работу по защите национальной безопасности. В ней указано, что НОАК может играть важную роль в защите «зарубежных интересов», но для осуществления этой ответственности могут потребоваться ресурсы других структур² (от государственных служб до общественных организаций).

Принятый в 2015 г. первый в истории КНР Закон о противодействии терроризму

¹ Составлено авторами на основе 2019年《新时代的
中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г.

«Национальная оборона Китая в новую эпоху»] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL:

<http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 30.05.2022); 全军和武警部队官兵深入学习贯彻党的十九届五中全会精神 [Вся армия и

Народная вооруженная милиция глубоко изучили и воплотили в жизнь дух Пятого Пленума 19-го съезда ЦК Партии] / 国防部网. 26.11.2020. URL:

http://www.mod.gov.cn/jzhzt/2020-11/26/content_4874636.htm?from=timeline&isappinstall ed=0 (дата обращения: 30.05.2022).

²中华人民共和国国家安全法 - 全文 [Закон о национальной безопасности Китайской Народной Республики] / 国防部网. 01.07.2015. URL: http://www.81.cn/2018gjaqjyr/2017-04/07/content_8002237_3.htm (дата обращения: 30.05.2022).

обеспечивает правовую основу для участия ВС КНР в контртеррористических операциях за рубежом. Статья 71 уполномочивает НОАК и НВМ «отправлять персонал за границу для выполнения контртеррористических задач, утвержденных Центральной военной комиссией», хотя в ней не указан перечень возможных задач¹. Таким образом, на данный момент в КНР созданы необходимые правовые механизмы, уполномочивающие вооруженные силы действовать за рубежом. Однако для создания полноценной модели развертывания необходимы межправительственные соглашения с суверенными государствами, а также создание многосторонних форматов для повышения качества в проведении неспецифичных для военной истории КНР экспедиционных операций.

Дипломатическое взаимодействие является ключевым компонентом развития Китая возможностей проецирования силы. Такое взаимодействие, особенно связанное с подготовкой к учениям ШОС, позволило Китаю приобрести важный опыт отработки формальных процедур соглашения о юридическом статусе контингентов, участвующих в учениях, который он мог бы применить в будущих экспедиционных операциях.

В 2008 г. было подписано Соглашение государств-членов ШОС «О порядке организации и проведения совместных контртеррористических учений государствами-членами ШОС», в котором четко определены юридические права и обязанности вооруженных сил государств-членов ШОС, посещающих другую страну для проведения учений². Доцент Военно-

морского колледжа США А.Б. Кардон отметил, что это Соглашение устанавливает правовые отношения аналогичные тем, которые США достигают двусторонними соглашениями «О временном статусе сил» [Kardon 2019: 4].

Начиная с «Учений-01» 2002 г. КНР в рамках ШОС участвует в контртеррористических учениях за пределами собственных границ, в ходе которых активно используются специфичные для проведения экспедиционных операций рода войск и отрабатываются задачи аналогичные тем, которые могут стать типовыми при проведении миссии за рубежом. Представленные в таблице 1 учения ШОС предоставили НОАК первые возможности для отработки ключевых навыков проецирования силы.

Таблица 1.
Контртеррористические учения ШОС за пределами КНР (2002-2021 гг.)³

Название учений	Страна проведения	Рода войск ВС КНР, задействованные в учениях	Количество контингента ВС КНР
Учения-01	Киргизия	Силы специальных операций (ССО), пограничные войска	100
Союз-2003	Казахстан	СВ (пехота, артиллерия), персонал НВМ и силы поддержки	700
Восток-антитеррор-2006	Узбекистан	ССО	н/д
Взаимодействие-2006	Таджикистан	ССО, военно-транспортная авиация (ВТА), вертолетное крыло	150
Сотрудничество-2007	Россия	Силы специального назначения НВМ (СпН НВМ), ВТА	н/д
Мирная миссия-2007	Россия	СВ (32 вертолета), ВВС (8 истребителей-бомбардировщиков) ВТА, комплексные группы поддержки	1600
Норак-антитеррор-2009	Таджикистан	н/д	н/д
Мирная миссия-2010	Казахстан	ВВС (2 истребителя; 4 бомбардировщика; самолеты-заправщики, самолеты ДРЛО); СВ (боевые группы, танки); силы поддержки	1000
Мирная миссия-2012	Таджикистан	СВ (6 вертолетов, мотострелковая рота, артиллерийское отделение, силы поддержки)	369
Мирная миссия-2013	Россия	ВВС (истребители-бомбардировщики, вертолеты); СВ (танки, САО, силы поддержки)	600
Сотрудничество-2016	Россия	СпН НВМ, вертолеты, бронетехника	100
Мирная миссия-2016	Киргизия	самолеты, вертолеты, артиллерия, бронетехника	270
Мирная миссия-2018	Россия	ССО; СВ (4 ударных вертолета танки); ВВС (2 истребителя, 4 истребителя-бомбардировщика); ВТА (8 транспортных самолетов и 4 транспортных вертолета).	743
Сотрудничество-2019	Узбекистан	НВМ	н/д
Сотрудничество-2019	Таджикистан	ССО, истребители, истребители-бомбардировщики, БПЛА	н/д
Сотрудничество-2019	Россия	СпН НВМ	н/д
Мирная миссия-2021	Россия	СпН НВМ, бронетехника, артиллерия, ВДВ	550

¹中华人民共和国反恐怖主义法 [Закон о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики] // 湘西州公安局. 27.12.2015. URL: http://gaj.xx.gov.cn/zwgk_149/fdxgkknr/zcwj/bmwj/202011/t20201127_1752204.html (дата обращения: 30.05.2022).

² Соглашение «О порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений государствами - членами Шанхайской организации сотрудничества». 28.08.2008. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001201312>

260003?type=pdf&ysclid=l3syz3pxec (дата обращения: 30.05.2022).

³ Составлено авторами на основе 联合军演 [Совместные военные учения] / 中华人民共和国国防部. URL: http://www.mod.gov.cn/action/node_46956.htm (дата обращения: 29.05.2022).

Одним из способов, с помощью которых учения ШОС усиливают возможности Китая по проецированию силы, является предоставление ВС КНР возможности практиковаться в транспортировке и поддержании боевых подразделений за пределами границ Китая. В ходе учений под эгидой ШОС целые подразделения НОАК различной видовой принадлежности, иногда насчитывающие более 1000 чел. личного состава, проводили воздушно-наземные операции с непосредственным применением обычных средств ведения войны. Так в 2007 г. ВС КНР провели первую крупномасштабную тренировочную операцию, которая потребовала перевозку целых подразделений и тяжелой техники из различных военных частей КНР¹. В 2012 г. НОАК осуществляла перевозку на рекордные 1000 км через третьи страны для участия в совместных военных учениях². В ходе многосторонних учений ШОС 2018 г. НОАК развернула сводное авиационное крыло из двух больших транспортных самолетов, шесть средних транспортных самолетов и четырех транспортных вертолета, что, по-видимому, является крупнейшим развертыванием Китая единиц ВТА на учениях ШОС. Это позволило НОАК отработать сценарий переброски батальона (800 чел.) за рубеж [Southernland, Green, Janik 2020: 16].

Учения ШОС служат испытательным полигоном для апробации организационных навыков командования новых оперативно-стратегических районов [дословно: «районов войны» – 战区], которые заменили собой военные округа, в руководстве экспедиционными операциями. С 2016 г., когда НОАК перешла с системы военных

округов на оперативно-стратегические районы, Китай использовал новую командную структуру по крайней мере в двух учениях со странами ШОС. Например, новое командование Западного ОСР возглавило участие НОАК в учениях ШОС в Кыргызстане в 2016 году³. Это зафиксировало намерение Пекина использовать командования ОСР не только для операций по защите территории и морской периферии Китая, но и для проведения наступательных действий. После учений в Кыргызстане командующий китайским контингентом заявил, что командная структура ОСР «очень подходит» для проведения экспедиционных контртеррористических операций, высоко оценив отлаженную систему единого и эффективного совместного командования и плавной интеграции командования и связи. В 2018 г. командование Северного ОСР возглавило силы НОАК, участвовавшие в российских общевойсковых учениях «Восток»⁴. Как в ходе учений 2016 г., так и в 2018 г. руководство ЦВС развернуло за рубежом командные пункты для оперативного управления войсками.

Если оценивать функциональное значение задействованных родов войск и использованного вооружения и военной техники, то можно сделать вывод, что учения ШОС предоставляют НОАК уникальные возможности для подготовки к ведению боевых действий в зарубежных странах с использованием как тяжелой техники, так и боевых самолетов. Сценарии учений несмотря на то, что они описываются как «контртеррористические» иногда включают в себя окружение и

¹中俄“合作—2007”联合反恐演习在莫斯科拉开序幕 [В Москве стартовали совместные контртеррористические учения Китая и России “Сотрудничество-2007”] // Xinhua. September 3, 2007. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2007-09/03/content_735509.htm (дата обращения: 30.05.2022).

² Yan Meng, Ma Qian. SCO Member States Hold ‘Peace Mission 2012’. Drill in Tajikistan // People’s Daily. June 15, 2012. URL: <http://en.people.cn/90786/7846872.html> (accessed: 30.05.2022).

³ “和平使命-2016”反恐演习 中方指挥员解读新亮点 [Контртеррористические учения “Мирная миссия-2016”, китайские командиры интерпретируют новые основные моменты] // 解放军报. 20.09.2016. URL: <http://military.people.com.cn/n1/2016/0920/c1011-28726501.html> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴ “东方-2018”战略演习中俄联合战役演练正式开始 [Официально стартовали Совместные китайско-российские стратегические учения “Дунфан-2018”] // 人民日报. 11.09.2018. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1611271604572862090&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 30.05.2022).

уничтожение лагерей боевиков с применением танков и артиллерии, а также возвращение территории, захваченной боевиками в ходе обычных наземных операций, даже если они ограничены по масштабу [Lowsen 2015: 262]. Например, во время учений Мирная миссия-2021 подразделения ВС КНР участвовали в окружении условной группы боевиков с помощью беспарашютного десантирования и маневра колесных танков с боевыми машинами пехоты¹. На учениях ШОС также применяются новинки техники ВВС. Например, в ходе многосторонних учений ШОС в 2010 г. НОАК развернула воздушные самолеты раннего предупреждения и управления в составе объединенной боевой авиационной группы наряду с бомбардировщиками, истребителями и самолетами-заправщиками².

Отдельно стоит выделить стремление Китая использовать учения ШОС для повышения уровня боевой выучки подразделений сил специальных операций СВ НОАК и сил специального назначения Народной вооруженной милиции. Развитие сил специального назначения [特种作战] как узкоспецифичного инструмента проведения экспедиционных операций выступает одним из приоритетов военной модернизации Китая³ наряду с созданием оперативно-

боевых бригадных групп морской пехоты (ВМС НОАК) и воздушно-десантных войск (ВВС НОАК). Желаемой целью руководства КНР выступает оттачивание готовности вооруженных сил к десантным операциям и проведению глубоких разведывательных и диверсионных действий в интересах общевойсковой армии или интегрированной целевой группы⁴.

Характер задач и интенсивность учений позволяет подтвердить вывод подполковника военной разведки армии США и аналитика Д.Дж. Бласко, что благодаря учениям ШОС силы специального назначения НОАК начинают переходить к более широким возможностям, соответствующим структурным подразделениям в ВС США и РФ [Blasko 2019: 30].

В ходе контртеррористических учений Пекин также приобрел важный опыт по ведению переговоров о правах на пролет и использование иностранных аэродромов, транзита через третью страну и логистической поддержке принимающей страны. Например, Китай использует аэродромы в Центральной Азии или России во время учений ШОС⁵. Соглашения, заключенные в мирное время для учебных учений, не гарантируют, что аналогичные договоренности могут быть достигнуты во время кризиса. Тем не менее, они предоставляют Пекину важный опыт координации действий с третьими странами,

¹ Возвели в степи: под Оренбургом страны ШОС отработали антитеррористические учения // Известия. 24.09.2021. URL: <https://iz.ru/1225925/anton-lavrov/vozveli-v-stepi-pod-orenburgom-strany-shos-otrabotali-antiterroristicheskie-ucheniia> (дата обращения: 30.05.2022).

² China Tries Long-Distance Air Attack Mode in Drill // Xinhua. September 21, 2010. URL: https://www.chinadaily.com.cn/imqq/china/2010-09/21/content_11336139.htm (accessed: 30.05.2022).

³ После реформ 2015-2016 гг. ЦВС был взят курс на создании «армии нового типа», которая меньше по размеру, но более мобильна и подходит для развертывания за рубежом для защиты «зарубежных интересов» Китая. На практике этот курс воплощается в частичном отказе от дивизий советского типа и переходе на систему «армия — бригада — батальон» [军—旅—营] она сосредоточилась на развитии своих сил специальных операций, вертолетов и легких механизированных средств. См. 2015年中国国防白皮书《中国的军事战略》[«Военная стратегия Китая». Белая книга по

национальной обороне Китая. 2015 г.] // China Daily. 26.05.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-5-28/cd_20821000.html (дата обращения: 30.05.2022); Don Tse. China's Americanized Military // The Diplomat. December 13, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/12/chinas-americanized-military/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴ 2019年《新时代的中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] / 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро Гос. Совета КНР]. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵ “和平使命-2018”联合反恐战役震撼打响 [Совместная контртеррористическая кампания “Мирная миссия-2018” началась с размахом] // 中国军网. 29.08.2018. URL: http://photo.81.cn/pla/2018-08/29/content_9266646.htm (accessed: 30.06.2022).

необходимый для создания модели проецирования силы.

Опираясь на свои дипломатические инициативы с государствами Центральной Азии, Китай предпринял новые шаги по расширению своего оборонительного периметра, создав военный аванпост и проведя свои маломасштабные военные операции в Центральной Азии, направленные на демонстрацию присутствия. С 2016 г. отряды Народной вооруженной милиции (до сотни сотрудников) размещены на пограничном посту в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, недалеко от слияния границ Афганистана, КНР и Таджикистана¹. По словам директора программы политических исследований института China Matters Д. ван дер Кли, с этого объекта НВМ патрулирует как Горно-Бадахшанскую автономную область, так и Ваханский коридор [Kley 2019: 85]. Операции НВМ координируются через Четырехсторонний механизм сотрудничества и координации (QCCM) и осуществляются совместно с органами безопасности стран-партнеров [Duchâtel 2019: 13].

С постепенным развитием и становлением Китая в качестве великой державы изменилось восприятие целого ряда событий и явлений как представляющих значимость для стабильной обстановки «мирного возвышения» КНР. Это привело к концептуализации «зарубежных интересов», которым угрожает, в том числе, и международный терроризм. Борьба с новым видом угроз потребовало от руководства КНР сосредоточить внимание на развитие экспедиционной мощи ВС КНР, где особую важность играет НОАК и Народная вооруженная милиция, между которыми

существует относительно четкое разграничение ролей.

Для развития проецирования силы КНР задействует многосторонние, минилатеральные и двусторонние механизмы, позволяющие устанавливать контакты со спецслужбами, кооперироваться для патрулирования общих участков границы, а также легализировать статус военнослужащих КНР в странах-партнерах. Особое внимание при этом уделяется взаимодействию со странами Центральной Азии для создания оборонительного периметра, предвосхищающего инфильтрацию террористов на территорию Китая и особенно в Синьцзян-Уйгурский автономный район, где существуют сепаратистские настроения, артикулировано выражающиеся в деятельности «Исламского движения Восточного Туркестана». При этом особым инструментом развития экспедиционного потенциала выступает практика контртеррористических учений, проходящих под эгидой ШОС.

Через ШОС Китай развивает возможности проецирования силы, которые он начал использовать в контртеррористических целях на постоянной основе в форме патрулей Народной вооруженной милиции в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Более того, КНР повышает командные навыки по развертыванию контингента, апробирует реформированные организационные структуры, относительно молодые и специфичные рода войск и подразделения (ССО, СпН НВМ, ВДВ), оттачивает модель «интегрированных совместных операций» (несколько видов ВС и НВМ), тестирует технологичные новинки в полевых условиях и обучает персонал в условиях максимально приближенных к боевым. Данные преимущества могут послужить экстраполяции навыков развертывания ВС КНР с региона Центральной Азии на остальные регионы, где сосредотачиваются «зарубежные интересы» Китая. Это станет весомым рубежом на пути формирования Китаем

¹ Shih, G. Chinese Troops Sit on Afghanistan's Doorstep // Washington Post. February 18, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-11e9-a759-2b8541bbbe20_story.html (accessed: 30.06.2022).

модели глобального развертывания, что видится закономерным ввиду стратегической конкуренцией между США и КНР и формирующейся биполярностью в системе международных отношений.

Стоит при этом отметить, что стремление КНР оттачивать навыки проведения экспедиционных операций в рамках учений ШОС позволяет создать задел совместимости на случай дальнейшего ухудшения международной обстановки. Фактически в ШОС созданы все необходимые механизмы для приобретения ВС стран-членов организационных, технологических, оперативных

возможностей для совместных военных действий различного масштаба, не закрепляя формально обязательств по использованию их. Углубление данной практики элементами совместного военного планирования и мерами по осуществлению оперативной совместимости войск, а также расширения сотрудничества на военно-промышленную сферу позволило бы использовать институциональный потенциал ШОС для формирования единой силовой составляющей «Коллективного НеЗапада» без формального установления союзных обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов А.В.* «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 3. С. 23-32.
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В.* США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231.
- Дубровский И.Р., Худайкулова А.В.* Миротворческая деятельность как инструмент развития потенциала Народно-освободительной армии Китая // *Проблемы национальной стратегии*. 2022. № 2 (71). С.102–126.
- Кокошин А.А.* Военная реформа в КНР: военно-стратегические, политические и организационно-управленческие аспекты // *Российский совет по международным делам*. 10.01.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/voennaya-reforma-v-knr-voenno-strategicheskie-politicheskie/> (дата обращения: 04.11.2021).
- Шлындов А.В.* Вооруженные силы Китайской Народной Республики. Очерки: монография / Ред.-сост. Н.В. Анисимцев. М.: ИДВ РАН, 2019. 184 с.
- Blasko, D.J.* The PLA Army after ‘Below the Neck’ Reforms: Contributing to China’s Joint Warfighting, Deterrence and MOOTW Posture // *Journal of Strategic Studies*. December 27, 2019. P. 1-35.
- Cooley, A.* Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. L.: Oxford University Press. 2012. 272 pp.
- Cordesman, A.H., Kendall, J.* Chinese Strategy and Military Modernization in 2017: A Comparative Analysis. Center of Strategic and International Studies. January 12, 2017. 734 p.
- Duchâtel, M.* Overseas Military Operations in Belt and Road Countries: The Normative Constraints and Legal Framework in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research. 2019. P. 7-19.
- Greitens, S.C.* Counterterrorism and Preventive Repression: China’s Changing Strategy in Xinjiang // *International Security*. 2020. Vol. 44. № 3. P. 9–47.
- Heath, T.R., Curriden, C., Frederick, B., Chandler, N., Kavanagh, J.* China’s Military Interventions: Patterns, Drivers, and Signposts. RAND Corp. 2021. 182 p.
- Kardon, I.B.* Hearing on a “World-Class” Military: Assessing China’s Global Military Ambitions // U.S.-China Economic and Security Review Commission. June 20, 2019. 14 pp.
- Kashin, V.* Resources, Trends, and Goals of Chinese Military Modernization in China’s Infinite Transition and its Limits Economic, Military and Political Dimensions / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Palgrave Macmillan. 2020. P. 41–62.
- Kley, D.V.D.* China’s Security Activities in Tajikistan and Afghanistan in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research. 2019. P. 71-91.

- Layne Ch.* This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana // *International Studies Quarterly*. 2012. Vol.56. № 1. P. 203-213.
- Lowsen, B.* Like a Good Neighbor: Chinese Intervention through the Shanghai Cooperation Organization in The People's Liberation Army and Contingency Planning in China / ed. by Andrew Scobell. Washington: National Defense University Press. 2015. P. 251-279.
- McReynolds, J.* China's Evolving Military Strategy. W.: The Jamestown Foundation. 2016. 200 p.
- Pantucci, R.* The Dragon's Cuddle: China's Security Power Projection into Central Asia and Lessons for the Belt and Road Initiative in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research. 2019. P. 59-71.
- Sciutto, J.* The Shadow War - Inside Russia's and China's Secret Operations to Defeat America. San Francisco: Harper. 2019. 320 p.
- Southerland, M., Green, W., Janik, S.* The Shanghai Cooperation Organization: A Testbed for Chinese Power Projection. Washington: U.S.-China Economic and Security Review Commission. 2020. 30 pp.
- Stanzel, A.* Fear and Loathing on the New Silk Road: China Security in Afghanistan and Beyond // European Council on Foreign Relations. July 12, 2018. URL: https://ecfr.eu/publication/new_silk_road_chinese_security_in_afghanistan_beyond/ (accessed: 30.06.2022).
- Tanner, M.S., Bellacqua, J.* China's Response to Terrorism // U.S.-China Economic and Security Review Commission. June 2016. P. 81-99.
- United States Post-Cold War Defence Interests A Review of the First Decade / ed. by Karl P. Magyar. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2004. 281 p.
- Yau, N.* China's Security Management Towards Central Asia. Philadelphia: Foreign Policy Research Institute. April 2022. 22 p.
- 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京:军事科学出版社. 2013. 287 с.
- 檀松, 穆永朋: 联合战术学 [Тан Сон, Му Юнпэнг. Наука о совместной тактике] // 军事科学出版社. 2014. № 5. С. 23-41.
- 钱雪梅: 阿富汗塔利班再度执政后的政治和解 [Цянь Сюэмэй. Политическое примирение после того, как афганские талибы снова пришли к власти] // 当代世界. 2021. № 10. С. 12-25.

REFERENCES

- Blasko, D.J.* (2019). The PLA Army after 'Below the Neck' Reforms: Contributing to China's Joint Warfighting, Deterrence and MOOTW Posture. *Journal of Strategic Studies*. 1-35.
- Cooley, A.* (2012). Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. L.: Oxford University Press. 272 p.
- Cordesman, A.H., Kendall, J.* (2017) Chinese Strategy and Military Modernization in 2017: A Comparative Analysis. Center of Strategic and International Studies, 734 p.
- Degterev D.A., Ramich M.S., Cvyk A.V.* SSHA — KNR: «vlastnyj tranzit» i kontury «konfliktnoj bipolyarnosti» // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 21. No 2. S. 210–231.
- Dubrovskij I.R., Hudajkulova A.V.* Mirotvorcheskaya deyatelnost' kak instrument razvitiya potenciala Narodno-osvoboditel'noj armii Kitaya // *Problemy nacional'noj strategii*. 2022. № 2 (71). S.102–126.
- Duchâtel, M.* (2019). Overseas Military Operations in Belt and Road Countries: The Normative Constraints and Legal Framework in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research. 7-19.
- Greitens, S.C.* (2020). Counterterrorism and Preventive Repression: China's Changing Strategy in Xinjiang. *International Security*, 44 (3), 9–47.
- Heath, T.R.* Curriden, C., Frederick, B., Chandler, N., Kavanagh, J. (2021) China's Military Interventions: Patterns, Drivers, and Signposts. RAND Corp., 182 p.

- Kardon, I.B.* (2019). Hearing on a “World-Class” Military: Assessing China’s Global Military Ambitions. U.S.-China Economic and Security Review Commission. 14 p.
- Kashin, V.* (2020) Resources, Trends, and Goals of Chinese Military Modernization in China’s Infinite Transition and its Limits Economic, Military and Political Dimensions / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Palgrave Macmillan, 41–62.
- Kley, D.V.D.* (2019). China’s Security Activities in Tajikistan and Afghanistan in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research, 71-91.
- Kokoshin A.A.* (2017). Voennaya reforma v KNR: voenno-strategicheskie, politicheskie i organizacionno-upravlencheskie aspekty. The Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/voennaya-reforma-v-knr-voenno-strategicheskie-politicheskie-/> (accessed: 04.11.2021). (In Russian).
- Layne Ch.* (2012). This Time It’s Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana. *International Studies Quarterly*. 56 (1), 203-213.
- Lowsen, B.* (2015). Like a Good Neighbor: Chinese Intervention through the Shanghai Cooperation Organization in The People’s Liberation Army and Contingency Planning in China / ed. by Andrew Scobell. Washington: National Defense University Press, 251-279.
- McReynolds, J.* (2016) China’s Evolving Military Strategy. W.: The Jamestown Foundation, 200 p.
- Pantucci, R.* (2019). The Dragon’s Cuddle: China’s Security Power Projection into Central Asia and Lessons for the Belt and Road Initiative in Securing the Belt and Road Initiative / ed. by Nadège Rolland. Seattle: National Bureau of Asian Research, 59-71.
- Qian Xuemei* (2021). Afuhan taliban zaidu zhizheng hou de zhengzhi hejie [Political reconciliation after the Afghan Taliban came to power again]. *Dangdai shijie*, 10, 12-25. (In Chinese).
- Sciutto, J.* (2019) The Shadow War - Inside Russia’s and China’s Secret Operations to Defeat America. San Francisco: Harper, 320 p.
- Shlyndov A.V.* Vooruzhennyye sily Kitajskoj Narodnoj Respubliki. Ocherki: monografiya / Red.-sost. N.V. Anisimcev. M.: IDV RAN, 2019. 184 s.
- Shou Xiaosong* (2013). Zhanlüe xue [The Science of Military Strategy]. Beijing: Junshi kexue chuban she. 287 p. (In Chinese).
- Southerland, M., Green, W., Janik, S.* (2020). The Shanghai Cooperation Organization: A Testbed for Chinese Power Projection. Washington: U.S.-China Economic and Security Review Commission, 30 p.
- Stanzel, A.* (2018). Fear and Loathing on the New Silk Road: China Security in Afghanistan and Beyond. European Council on Foreign Relations. URL: https://ecfr.eu/publication/new_silk_road_chinese_security_in_afghanistan_beyond/ (accessed: 30.06.2022).
- Tan Song, Mu Yongpeng* (2014). Lianhe zhanshu xue [The Science of Joint tactics], 5, 23-41. (In Chinese).
- Tanner, M.S., Bellacqua, J.* (2016). China’s Response to Terrorism. U.S.-China Economic and Security Review Commission, 81-99.
- United States Post-Cold War Defence Interests: A Review of the First Decade / ed. by Karl P. Magyar. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2004. 281 p.
- Vinogradov A.V.* “Odnopolyarnaya Aziya”: kitajskij regional'nyj poryadok // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. T. 65. № 3. S. 23-32.
- Yau, N.* (2022). China’s Security Management Towards Central Asia. Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 22 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дубровский Иван Родионович, Ivan R. Dubrovskiy, applicant at the соискатель кафедры Теории и истории Department of Theory and History of международных отношений Российского International Relations, RUDN University. E-университета дружбы народов. E-mail: mail: 1032211914@rudn.ru 1032211914@rudn.ru

Инь Хуэй, соискатель кафедры Теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: 1032168455@rudn.ru

Костючек Светлана Владимировна, соискатель кафедры Теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: 1032211920@rudn.ru

Чжао Бовэнь, соискатель кафедры Теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: 1032158409@rudn.ru

Yin Huiyi, applicant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. E-mail: 1032168455@rudn.ru

Svetlana V. Kostyuchek, applicant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. E-mail: 1032211920@rudn.ru

Zhao Bowen, applicant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. E-mail: 1032158409@rudn.ru